

ФРАЗЕОЛОГИЯ

УДК 415.61
ББК 81.03

ФАКТОРЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ПРЕДИКАТОВ С ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИЗАТОРАМИ КАЧЕСТВА ПРОЦЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

К.В. Землякова

FACTORS OF SEMANTIC COMPATIBILITY OF PREDICATES WITH PHRASEOLOGICAL CHARACTERIZERS OF PROCESS QUALITY (IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

K.V. Zemlyakova

Рассматривается семантико-валентностная роль фразеологизмов со значением характеристики качества процесса при глаголах. Автор выводит принципы сочетаемости фразеологизмов-характеризаторов с глагольными лексемами в русском и английском языках, на основании чего анализирует системные особенности функционирования сопоставляемых языков.

Ключевые слова: фразеологизм, характеризатор, сочетаемость, предикат, дубликат, комплемент, контигюитив.

This article considers a semantic role of phraseological units with the meaning of the process quality characterization with verbs. The author works out principles of compatibility of phraseological characterizers with verbal lexemes in Russian and English, and on its basis analyzes the systemic peculiarities in the functioning of the compared languages.

Keywords: phraseological unit, characterizer, compatibility, predicate, duplicate, complement, contiguity.

Язык нацелен на описание и воссоздание в вербальной форме реальной ситуации актуального мира. Язык экзистенционально зависим: в языке нет ничего, чего бы не существовало в окружающем человека мире, включая также формы коллективного сознания: мифологию, религию, науку, культуру – их существование невозможно воспринять органами чувств, но никто не будет отрицать, что они действительно существуют. Говоря «реальный мир», мы подразумеваем ситуацию, объективно существующую в мире человека как рациональное событие, наполненное смыслом, даже если оно воображаемо и происходит опосредованно от момента речи. Полнозначные слова содержат референциальную связь с фрагментами действительности. Поэтому даже при номинации вообра-

жаемых предметов и свойств, кажущихся нереальными, сознание проецирует их вовне, рисуя воображаемую действительность, которая, аналогично реальной, может быть описана средствами языка.

Важным считаем положение Г. Гийома о том, что язык обобщает систему понятий, сформированных и классифицированных сознанием человека из результатов его взаимодействия со средой; эти понятия хранятся в сознании в виде системы, элементы которой имеют языковые обозначения¹.

Высказывания (сочетания смыслов) имеют право на существование, если они соответствуют реальной ситуации в действительном мире; иначе они обретают статус иррационального, логически неправильного; нарушается естественное, обусловленное миром основание, лишенное логиче-

Землякова Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), E-mail: ksu-zemlyakova@mail.ru

Ksenia V. Zemlyakova, PhD in Philology, Linguistics chair lecturer, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: ksu-zemlyakova@mail.ru

ской истины, – это то свойство, которое Ч.С. Пирс (1983) назвал «непосредственной убедительной рациональной силой». Суть соотношения рациональной действительности и языковой формы ее выражения раскрывает Ю.С. Степанов: «если класс имен соответствует классу известных носителю языка объектов, а класс предикатов соответствует классу столь же известных носителю языка свойств этих объектов, то данное сочетание предиката с именем содержит нечто уже известное слушателю из знания языка и действительности; новым для него будет только факт выбора говорящим именно данного сочетания из возможных. Поскольку носитель языка всегда знает значения имен и предикатов этого языка и всегда обладает некоторыми знаниями о мире, постольку предикация всегда будет обладать для него убедительной рациональной силой»². Такое соответствие, по словам автора, объясняется устройством языка: «ни один язык не устроен так, чтобы его имена называли какие-то одни объекты, а его предикаты – свойства каких-то вовсе иных объектов». По мысли С.Д. Кацнельсона, «в реальности не существует предметов отдельно от их свойств и происходящих с ними процессов; все обособленные в формах языка предметы, количественные и качественные признаки, процессы, состояния и действия в самой реальности даны лишь как моменты целостных событий и явлений»³. Следовательно, связи между номинациями, выраженные на языковом уровне, имеют логико-семантическую природу и отражают соответствующие отношения между фактами окружающей действительности во всем многообразии антропомира.

Существование тесной, неразрывной связи языка и мышления позволяет констатировать, что высказывание является отображением конкретной действительности и отражает те глубинные отношения, которые существуют в рациональном мире, сквозь отношения языковых единиц высказывания, таким образом, вскрывает эту глубинную связь между элементами объективного мира.

Предложение берет начало в мышлении, соответственно его построение начинается с осознания и анализа говорящим логико-предметных связей. Единицы языка номинируют некую первичную ситуацию, некоторый фрагмент объективной действительности, тем самым являются центрами пропозиции. Пропозицией ряд ученых (Н.Д. Арутюнова, С.Д. Кацнельсон, С.М. Кибардина, Т.М. Ломова) называют логико-семантическое содержание предложения – уровень, на котором формируется базовая структура предложения, потенциальное предложение. Ситуация в предложении, по их мнению, разворачивается из лексического значения единиц (в частности, глагола). Базовую роль в речеобразовании, по мысли С.Д. Кацнельсона, «играют элементарные мыслительные категории, с помощью которых образуется мыслительное содержание предложения, то есть пропо-

зиция»⁴. Так еще раз подчеркивается факт связи языка и мышления.

Ф. Джонсон-Лэрд указывает на естественность и закономерность протекания процессов установления ситуации посредством языка в сознании носителей языка: «...для говорящего на своем родном языке почти невозможно подавить процесс идентификации слов и выявления некоторых синтаксических отношений»⁵. Исследователь так представляет ментально-речевое действие: сначала в сознании выстраивается ментальная модель, а затем для ее вербализации подбираются средства из арсенала имеющихся в языке. Структура ментальной модели аналогична актуальному положению дел, а знания о мире и связях между объектами в нем позволяют говорящему еще до момента речи провести ряд имплицитных умозаключений, анализ логико-предметных отношений в ситуации. Для языкового представления мысли носитель языка заполняет ментальную модель определенным содержанием в соответствии с самой ситуацией, с опорой на языковой потенциал. Другими словами, «словесные знаки хранятся в сознании носителей языка в неразрывной связи с правилами их грамматического исполнения, а синтаксическая структура предложения является в значительной мере рефлексией свойств лексических единиц»⁶.

Л.А. Чиненова, рассматривая функционирование английских фразеологизмов в языке и речи, поднимает вопрос «о соотношении воспроизводимых (общепотребительных) элементов, усваиваемых и вводимых в речь целиком, с одной стороны, и элементов творческих, создаваемых в процессе речи, с другой»⁷.

Комплексы фразеологических единиц с сопутствующими лексемами и другими фразеологизмами представляют собой созданные по общим грамматическим моделям образования, которые сохраняются в памяти носителей языка в готовом, «собранном» виде. Такие хранящиеся в памяти готовые фрагменты высказывания уже не собираются «на ходу», а при необходимости в момент речи извлекаются из памяти, применительно к данной мысли, в виде такого же комплекса, в совместном употреблении друг с другом. На тенденцию использования в речи большей доли готовых ее фрагментов указывал Л.В. Щерба, объясняя это тем, что человеку в процессе повседневного общения нет времени для особого языкотворчества, и он, как правило, пользуется готовыми фразами, мыслями, образами и оборотами, которые в изобилии представлены в языке. Иными словами, человек не творит речь заново, но в большинстве случаев повторяет слышанное⁸.

Комбинируя единицы, манифестирующие в языке определенный смысл, и выстраивая их в синтагматическую цепь, говорящий способен посредством языка воссоздать целостное отображение событий и положений дел. Но высказывание будет носить иррациональный характер, если

средства языка описывают связи предметов и свойств, несуществующие между ними в объективной действительности. Так, А.И. Смирницкий на примере анализа несуществующих коллокаций (to read a bird, to kill a letter) объясняет невозможность лексического сочетания слов теми отношениями, «которые существуют в реальной действительности между обозначаемыми этими словами процессами и предметами»⁹.

Н.Д. Арутюнова (2003) в своем монографическом труде отводит главу вторую лексическим и лексико-семантическим ограничениям на сочетаемость слов, среди которых выделяет ограниченность сочетаний, изначально определяемых самой природой: «...сама природа вещей исключает возможность расширения сочетаемости слов с орудийными именами. Подобные ограничения отражают структуру мира, а не особенности его языковой модели или лексического узуса»¹⁰. Этот факт не свидетельствует о достоинствах или недостатках языковой системы, а лишь констатирует положение дел: если в реальном мире связь между объектами или их свойствами невозможна, то и язык не способен ее отразить в адекватных и грамматически корректных для данного языка структурах.

Отношения между языковыми элементами ассоциативны, поскольку сознание носителя языка хранит связи, существующие между элементами объективного мира. Эта мысль подтверждается замечанием Е.С. Кубряковой о том, что «слово, всплыв на поверхность сознания, начинает «вытягивать» именно системно релевантные для него общепринятые связи и ассоциации, то есть становится толчком к обогащению мысли, способствует ее формированию»¹¹. Об ассоциативных отношениях в языке, имеющих нелинейный и непоследовательный порядок, писал Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» (1977): «Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться»¹². Механизм возникновения таких отношений Ф. де Соссюр объясняет тем, что в нашем сознании образуются ассоциативные группы, имеющие нечто общее. Причем ум схватывает характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений. Одно и то же слово может попасть в один из нескольких ассоциативных рядов, в зависимости от наличия элемента общности (корень, суффикс, сходство, акустический образ). Таким образом, ассоциация может строиться на общности как по смыслу, так и по форме, либо только по форме, либо только по смыслу. Однако, как уточняет лингвист, «нельзя наперед сказать, каково будет число подсказываемых памятью слов и в каком порядке они будут возникать», то есть «составляющие ассоциативную группу не даны в сознании ни в определенном количестве, ни в определенном порядке».

Условия, порождающие устойчивость, традиционную воспроизводимость сочетания в речи, могут быть разными. Мы утверждаем, что каждая фразеологическая единица (ФЕ) возникает при глаголе на основе ассоциативной связи с ним. Ассоциативность отношений легла в основу выделения нами семантико-валентностных типов качественно-обстоятельственных фразеологизмов, чьи валентностные свойства вскрываются через взаимосвязь с предикатом. При глаголе каждая ФЕ семантически восполняет или дублирует семантическую структуру глагола, таким образом обеспечивается актуализация семантического потенциала единицы. Здесь и далее под *валентностью* мы понимаем свойство единицы выбирать сокомпонент на основе семантической и синтаксической совместимости, а под *валентностью качественно-обстоятельственного фразеологизма* – свойство ФЕ заполнять позицию обстоятельства образа действия при глаголе-предикате и образовывать с ним фразеологическое сочетание.

Именно соединение лексем с «правильными» единицами языка «делает употребление слов в процессе общения осмысленным, дает язык в действии, создает совершенно новое качество – качество связной осмысленной речи, которая, образуясь из единиц языка, вместе с тем уже выходит за его пределы, представляя собой произведения, относящиеся к тем или иным областям человеческой деятельности»¹³. Фразеологизмы, анализируемые сквозь призму валентностных свойств, дают материал для объяснения предопределенного употребления ФЕ-характеризатора с глаголом, поскольку их денотаты также составляют часть реального мира: «выбор того или иного элемента производится на основе возможности сочетания семантических признаков данного слова с признаками других слов при том же предикате, что в свою очередь зависит от экстралингвистической действительности, которая отражается данным предикатом и его аргументами»¹⁴.

Предлагаемая нами классификация с позиций семантико-валентностного принципа позволяет не только распределить ФЕ по семантическим группам – таких классификаций в научной литературе было предложено достаточно, они полно и подробно описывают семантические и структурные свойства данного класса единиц. В нашем случае, систематическое описание моделей сочетаемости предикатов с ФЕ и выявление связей между ними позволило бы получить полный реестр основных синтаксических моделей, определяющих мыслительную основу предложений и их соотношенность с фрагментами реальности.

Семантико-валентностная классификация качественно-обстоятельственных фразеологизмов базируется на выявлении семантической функции ФЕ-характеризатора и его роли для значения глагола. *Характеризатором* мы называем качественный атрибут действия, актуализирующий внут-

ренный признак качества процесса, специфицирующий значение глагольной лексемы.

Функция фразеологизма при предикате эксплицируется в ходе применения компонентного анализа к значению и глагольной лексемы, и фразеологизма. При этом фразеологизмы закреплены за определенными глаголами (по анализу частотности употребления) ввиду действия ассоциативных связей трех типов: по сходству, по различию и по реальному родству или ассоциациям идей.

В результате последовательного разложения значений элементов глагольно-фразеологического сочетания на более мелкие компоненты смыслов и установления корреляций между ними нами выявлено три типа ФЕ-характеризаторов:

- ФЕ-дубликаты (выделяются на основании сходства);
- ФЕ-комплементы (выделяются на основании различия);
- ФЕ-контигюитивы (выделяются на основании ассоциации идей).

С.Д. Кацнельсон подчеркивает особенно большое значение скрытых грамматических отношений для языков аналитического строя, в которых «основную нагрузку в плане выражения несут именно внутренние связи – типы лексических значений, их принадлежность к тому или иному разряду, типы сочетаемости слов»¹⁵. Поэтому представляется важным анализ реализаций валентностных потенциалов единиц в аспекте сопоставления фразеологизмов разносистемных языков.

Обозначенные семантико-валентностные типы ФЕ выделяются нами через применение компонентного анализа семантических структур фразеологизма и глагола. Рассмотрим процедуру его осуществления применительно к нашему материалу.

В современном языкознании уже сложился полный, комплексный подход к анализу семантических явлений. Несмотря на возникновение в русле структурной лингвистики, разрабатываемой зарубежными учеными, особенно большое развитие теория и методика компонентного анализа получила в нашей стране (Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, Р.С. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, Э.М. Медникова, О.Н. Селиверстова, А.А. Уфимцева). Компонентный анализ применяется для исследования объективных, внеязыковых, денотатных связей знаков и отражения действительности в их семантике. Применение компонентного анализа к фразеологической семантике позволяет подробным образом проанализировать семантическую структуру фразеологической единицы и выявить скрытые за внешней формой фразеологизма смыслы, даже те из них, которые не нашли закрепления в его словарной дефиниции.

Заклученный в языковой единице смысл можно описывать с помощью синонимов или же развернутых толкований. Компонентный анализ предлагает еще один способ такого описания; с опорой на парадигматические связи в системе он

стремится разложить значение на элементарные единицы содержательного плана. Соединение мельчайших содержательных компонентов в различных комбинациях друг с другом задает значение любой лексемы в языке и способно репрезентировать заданный смысл, следовательно, «изменения и перегруппировки внутри иерархии сем лежат в основе изменения значения слов»¹⁶.

Так, разное значение может задаваться комбинацией компонентов «передвигаться с помощью ног по твердой поверхности» и «медленно» / «быстро»: (нести) *что есть мочи* и (ползти) *как черепашка*. Аналогично в английском языке разная комбинация, к примеру, компонентов значений «подавать голос, производить действие голосом» и «громко» / «тихо» задает значение английских фразеологизмов-антонимов: *below (beneath / under) one's breath (вполголоса, тихо, шепотом)* и *at the top of one's lungs / voice (во весь голос, во все горло, во всю глотку)*.

Компонентный анализ значений есть анализ иерархически упорядоченной структуры значения единицы. В лингвистических исследованиях для обозначения минимальных частиц смысла применяется различная терминология. Компонент значения называют оттенком, дифференциальным признаком значения, семантическим примитивом (А. Вежицкая), семантическим множителем (Ю.Н. Караулов), смыслом, семой (И.В. Арнольд), эмоциональной, минимальной составной частью информации, которую несет единица языка.

Ж. Вардзелашвили в своих работах также предпринимает попытку разложить основную единицу лексико-семантического уровня языка – семему – на еще более мелкие элементы: сему, семантический маркер, дифференциальный признак, компонент значения, атом смысла, называемый наносмыслом (величина, служащая для обозначения дольных единиц). Эти элементы, в большей или меньшей степени понимаемые как синонимичные, конструируют значение данного слова¹⁷.

Мы используем термин «сема» как наиболее краткий и мотивированный, указывающий на план содержания. И.В. Арнольд подчеркивает, что предел членения того или иного значения на семы всегда задается поставленными в исследовании задачами¹⁸. В нашей работе представляется важным не столько установить предельность членения фразеологического значения и поиск его мельчайших компонентов, сколько выявить семантические корреляции между значениями ФЕ и специфицируемого ею глагола.

Форма применения компонентного анализа зависит от общего понимания природы значения, цели использования этого метода и представления о необходимости соединения его с другими лингвистическими методами, так как компонентный анализ действительно не является универсальным¹⁹. В ключе нашего исследования полученные результаты компонентного анализа подвергаются обра-

ботке с применением описательного и сравнительно-сопоставительного методов изучения фактов.

Так как компонентный анализ имеет дело с парадигматическими связями единиц, то выделяемые посредством анализа семы по одним основаниям обнаруживают сходство с единицами этого же уровня системы, по другим дают возможность разграничения, дифференциации. Большинство авторов работают с разной терминологией и соответственно приводят разную классификацию сем: уровням их выявления могут соответствовать гиперсемы и гипосемы, архисемы и дифференциальные семы, маркеры и дистингвишеры. Но все термины, так или иначе, сводятся к одному основанию: интегральные семы объединяют круг единиц на основании сходства, дифференциальные вскрывают ту уникальную комбинацию компонентов значений, сумма которых и дает именно то значение, которое делает единицу непохожей на все остальные. Едва ли в языке возможно найти единицы с полностью идентичным набором сем.

М.В. Влавацкая (2009) считает, что компоненты, избирающие, ограничивающие или запрещающие сочетаться словам, объединены в комплексное образование, представляющее синтагматический аспект значения слова. Среди этих компонентов выделяется селективный и рестриктивный уровни, играющие роль механизмов сочетаемости слов²⁰.

Селективным автор называет такой компонент значения, который выполняет функцию избирательности или ограничительности сочетающихся лексем на базе идентичности их логического основания, логического сходства. По сути, это и есть выделение интегральных сем в сочетающихся компонентах. Рестриктивный компонент значения осуществляет функцию дальнейшей конкретизации в рамках определённого семантического класса слов, то есть воплощается в дифференциальных семах.

Уникальная комбинация сем накладывает ограничения на сочетаемость единиц с другими, отмечает И.В. Арнольд: «Существование скрытых сем доказывается, таким образом, методом от противного: ограничение на сочетаемость дает основание предположить наличие сем, препятствующих соединению»²¹. То есть вероятное соединение слов между собой детерминировано наличием в их значениях общей семы, которая повторяясь в компонентах отрезка речи, организует, таким образом, его содержательную сторону.

На этом основании становится возможным выделение трех групп ФЕ-характеризаторов.

1. Принцип повторения одной семы в каждом компоненте глагольно-фразеологического сочетания «глагол + фразеологизм» является базовым для выделения **ФЕ-дубликатов** (англ. duplicate – дублировать). В лингвистике он носит название принципа семантического согласования, или «лексических солидарностей» (термин Е. Косериу).

Примеры ФЕ-дубликатов в совместном употреблении с глаголами: (вбежать, забежать) *одним духом*, (носиться) *как угорелые*, (whisper) *under one's breath* – (прошептать) *вполголоса*. Их притяжение именно к указанным глаголам обусловлено тем, что они дублируют сему в глаголе, эта сема является для них общей:

Помню: *вбежать одним духом по громадной боковой лестнице моста; наткнуться вечером под аркой на летучую дерюгинскую братву, бегающую из кино, как стая койотов; идти навстречу, сжав кулаки, деревеня от страха* (Ю. Трифонов. Дом на набережной),

A man had no business to giggle like that and gesticulate and make grimaces – she whispered under her breath (А. Хукли. Eyeless in Gaza). – Джентльмен не должен был так хихикать, жестикулировать и гримасничать, – сказала она *вполголоса*.

Фразеологизм *одним духом* и глагол *вбежать* имеют общую сему одномоментности, быстроты, стремительности действия, аналогична семантическая связь дубликации между ФЕ *как угорелые* и *носиться* – их объединяет интегральная сема высокой скорости движения. Фразеологизм *below (beneath / under) one's breath (вполголоса, тихо, шепотом)* употреблен с глаголом *to whisper*, содержащим сему неполноты проявления действия, которая продублирована в ФЕ-характеризаторе.

2. Выявление дифференциальных сем, не дублированных в значениях глагола и ФЕ, а присущих только одному из них, является основанием для идентификации **ФЕ-комplementов** (англ. complement – дополнять, служить дополнением для целого). Такое «притяжение» глагола и фразеологизма происходит по принципу комплементарности, то есть восполнения недостающего. Этот принцип взаимодействия сем в сочетающихся словах обеспечивает совместное употребление таких фразеологизмов и глаголов как: (отвечать) *положа руку на сердце*, (drive) *like the wind* – (ехать) *со скоростью ветра*.

Вы их давно знаете, – сказала княжна Марья, – скажите мне, положила руку на сердце, всю истинную правду, что это за девушка и как вы находите ее? (Л. Толстой. Война и мир. Том второй).

He passed us on the wad driving like the wind (E.S. Gardner. The D.A. Breaks an Egg). – Он обогнал нас, на своей машине он несся *как угорелый*.

Как правило, ФЕ-комplementы восполняют пустоты в семантической структуре глагола для его полноты в высказывании. Не обозначив характер производимого действия через характеризатор-комplement, мы получаем информативно неполноценное высказывание.

3. Группа **ФЕ-контигютивов** обнаруживает тенденцию к употреблению с теми характеризующими глаголами, с которыми их объединяет некая реальная связь, родство понятий объективной действительности или ассоциативные идеи, которые актуализируют если не всегда реальную, то вооб-

ражаемую и потенциально возможную ситуацию. Такая связь осуществляется по принципу контигюитивности (англ. contiguity – соприкосновение, близость, ассоциация идей). Выполнение их семантической функции при глаголе можно объяснить высказыванием Н.Д. Арутюновой: «Обращаясь к примерам, в которых ограничения на сочетаемость отражают скорее устройство мира, чем структуру языка, мы постепенно оставляем область лексической сочетаемости слов и вступаем в сферу сочетаемости смыслов»²².

К примеру, русский фразеологизм *как на собаке* имеет ограниченную сочетаемость, употребляясь с глаголами *заживать*, *затягиваться*, *зарапасть* (о ране, царапине): *Присохнет ранка и через двое суток заживет, как на собаке* (М. Шолохов. Тихий Дон).

Контигюитивом является также фразеологическая единица *ногами вперед* и ее английский эквивалент *with the heels foremost*:

Я сюда въехала, а через неделю Храпцову выесли ногами вперед (Г. Щербаква. Митина любовь).

*They sent him out of the house **with his heels foremost*** (S. Miller. A History of Declining Art). – Они вынесли его из дома *ногами вперед*.

В семантических структурах глагола и ФЕ нет никакого указания на их языковую близость, но, тем не менее, данный фразеологизм достаточно ограниченно «выбрал» себе сферу спецификации глаголов. Мы объясняем такое взаимное притяжение действием принципа ассоциативности идей, так как данное предложение разворачивает целую внеязыковую ситуацию. Глагольно-фразеологическое сочетание экстраполирует рисуемую языком ситуацию вовне, в реальный мир, где существуют представления о том, что у животных раны затягиваются намного быстрее, чем у человека.

Мы считаем, что совместное употребление определенных фразеологических единиц с очерченной группой глаголов-предикатов процессуального, нестатичного значения детерминировано ассоциативными связями между предметами и свойствами объективного мира, представления о которых хранятся в памяти носителей языка.

Фразеологизмы качественно-обстоятельственного класса подвергаются семантико-валентностной классификации на общих основаниях, что свидетельствует о возможности ее применения для анализа характеристик качества процесса, вы-

раженных фразеологическими единицами, в других языках. Так, вышеизложенный принцип классификации демонстрирует, как, объясняя совместную встречаемость элементов в речи типом ассоциативной связи между ними, мы сможем постичь механизмы мышления.

¹ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. С. 102.

² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. С. 924.

³ Кацнельсон С.Д. О грамматической семантике. Л.: Наука, 1986. С. 149.

⁴ Там же.

⁵ Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения. М.: Прогресс, 1988. С. 234–257.

⁶ Ломова Т.М., Чирко Т.М. Активная грамматика: к содержанию понятия. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2002. № 3.

⁷ Чиненова Л.А. Английская фразеология в языке и речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 51.

⁸ Щерба Л.В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку). М.: Учпедгиз, 1957. С. 13–28.

⁹ Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1957. С. 53.

¹⁰ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). Изд. 3-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 92.

¹¹ Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. С. 145.

¹² Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Cours de linguistique generale. М.: КомКнига, 2006. С. 158.

¹³ Смирницкий А.И. Указ. соч. С. 40.

¹⁴ Мурыгина А.М.. Семантика валентностей многозначных глаголов: на материале английских глаголов движения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 8.

¹⁵ Кацнельсон С.Д. Указ. соч. С. 78.

¹⁶ Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1991. С. 54.

¹⁷ Вардзелашвили Ж. Наносмыслы в компонентном анализе слова // Славистика в Грузии. ТГУ, 2003. № 4. С. 26–29.

¹⁸ Арнольд И.В. Указ. соч. С. 49.

¹⁹ Селиверстова О.Н. Некоторые принципы организации семантических систем и роль компонентного анализа // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 6.

²⁰ Влавацкая М.В. Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2009. № 7 (19). С. 31.

²¹ Арнольд И.В. Указ. соч. С. 55.

²² Арутюнова Н.Д. Указ. соч. С. 92.

Поступила в редакцию 6 апреля 2012 г.